

5. За антифашистскую демократическую Германию. Указ. соч. – С. 87.
6. СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии 1945-1949 гг.: сборник документов. – М., 2006. – С. 109.
7. Gonze W., Kosthort E. Jakob Kaiser. Politiker zwischen Ost und West 1945-1949. – Köln, 1985. – S. 193.
8. Adenauer K. Erinnerungen. 1945-1953. Bd.I. Stuttgart, 1965. – S. 193.
9. СССР и германский вопрос. 1941-1949. Документы из Архива внешней политики РФ. В 3-х т. – М., 2003. – Т. III. – С. 550.
10. Zahlen bei Günter Braun. Zur Entwicklung der Wahlen in der SBZ/DDR 1946-1990; in: Weber (Hrsg), Parteiensystem (wie Anm.3). – S. 545-562.
11. Sukut Z. Konflikt (wie Anm.3), passim, Zitat S.1080. Ähnlich auch J.B.Gradlin in einem Diskussionsbeitrag bei der ACDP – Tagung «Die CDU in der – SBZ/DDR 1946-1948 am 22/23.11.1982 in Waiberg (ACDPVI – 015-021-S.32F.). – S. 122.
12. Conze W. (wie Anm.5). – S.38.
13. ACDP.Nachlas Karl Buchheim 1 – 188.0011: «Sondermaterial Nr.5 (wie Anm.12), Nachtrag S.1 und 68.
14. СССР и германский вопрос. Указ. соч. - С.552.
15. ACDP, Zentralbestand Ost-CDU VII-011-1899.fol.10/11; auch zitiert bei Siegfried Suckut: Blockpolitik in der SBZ/DDR 1945-1949. Die Sitzungsprotokolle des zentralen Einheitsfront – Ausschusses. – Köln, 1986. – S. 44.
16. Neue Zeit vom 22.1.1948.
17. Vgl. Gerhard Schmolze: Die CDU in der DDR: Zwischen Konformismus und Selbstbehauptung; in: Frankfurter Allgemeine Zeitung vom 19.9.1973.

СТРАТЕГИЯ «ЭКО-БУДУЩЕГО»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

В.Ю. Даренский

Государственная академия руководящих кадров культуры, г. Киев, Украина

В.Н. Даренская

Восточноевропейский национальный университет, г. Луганск, Украина

Цивилизационные трансформации XXI ст., в чем бы они ни состояли в будущем, неизбежно будут происходить под знаком глобальной борьбы за выживание, которая на самом деле уже началась, идет полным ходом и имеет первые жертвы. Первыми ее жертвами стали большинство стран бывшего СССР, утратившие экономическую самостоятельность и подчиненные диктатуре мирового рынка. В каком-то смысле принцип выживания всегда действовал в мировой истории, которая может рассматриваться как сложная совокупность локальных процессов борьбы за овладение средой обитания между различными общностями людей (родами, этносами, нациями и социальными группами внутри наций). Но при этом никогда, вплоть до середины XX века, речь не шла о борьбе за выживание на планетарном уровне, когда сначала ядерное оружие создало вероятность всеобщей гибели, а затем возникла все более острая угроза разрушения биосферы в результате хозяйственной деятельности человечества. Поскольку это разрушение в той или иной

степени неизбежно и уже началось, то теперь борьба за выживание из локальной превратилась в глобальную: «мир прошел половину пути от глобального экологического кризиса (ГЭК) к тотальной экокатастрофе (ТЭК) и последняя скорее всего произойдет не позже середины XXI века» [1, с. 44]. Не избежать (это уже не удастся), но смягчить экокатастрофу можно только путем реализации глобального проекта выживания, для каждой страны имеющего свою специфику. Сам этот проект можно назвать уже существующим термином «эко-будущее». Этот термин предложен доктором философских наук, главой фонда «Практическая философия» (г. Киев) А.В. Толстоуховым. Далее мы изложим ряд тезисов и общих соображений, разработанных авторами в рамках участия в «круглых столах», организованных названным фондом.

От того, насколько реалистичный проект будет избран и как скоро приступят к его осуществлению, зависит количество человеческих потерь (сокращение населения как в локальных, так и в глобальном масштабе) в результате экокатастрофы. Ныне действующий проект так называемого «устойчивого развития» не только утопичен, но и явно аморален, поскольку основан, по сути, на «расистском» делении регионов мира. В соответствии с этим проектом ради благоденствия стран «золотого миллиарда», уничтожающего ресурсы планеты, все остальные должны пребывать в состоянии нищеты и вымирания. Однако даже и такое аморальное «благоденствие» будет весьма недолгим в перспективе сначала все большего вздорожания, а затем и почти полного исчерпания энерго- и биоресурсов. Этот процесс уже начался, и снижение потребительских стандартов внутри самого «золотого миллиарда» вскоре неизбежно приведет к социальным потрясениям, а затем как следствие – к усилению экономического и политического хаоса во многих регионах «третьего мира».

Принципиальной проблемой эко-будущего является в первую очередь исследование тех естественных «механизмов» саморегуляции социумов, на которые следует опереться в стратегиях выживания. В общеметодологическом плане следует заметить, что экологические проблемы традиционно принято связывать с вопросами охраны окружающей природной среды, не замечая при этом всеобъемлющего характера данной области знаний. Ведь экология буквально значит «наука о доме», а это понятие включает не только физический и биологический, но в первую очередь и социальный, и философский, и исторический аспекты. Поэтому разработка проектов эко-будущего (в том числе его локальных, например, национальных составляющих) должна стать предметом междисциплинарной области исследований, которую стоит назвать тотальной экологией, включающей в свою проблематику уже не только и не столько вопросы рационального природопользования (в целом уже всесторонне изученные), но в первую очередь социально-философские, культурологические, антропологические, этические вопросы, связанные с планированием новой цивилизационной модели, способной обеспечить выживание как локальных общностей, так и человечества в целом. В частности, если традиционная экология главное внимание уделяла фактам исчерпания «внешних» ресурсов (энергоносители, почвы, вода, воздух), то для тотальной экологии главным предметом становится исчерпание «внутренних» ресурсов воспроизводства человека и социума (разрушение базовых социальных институтов – семьи и трудовой этики; ухудшение

генофонда и т.д.). В качестве того «испытательного полигона», которому предстоит раньше всех пережить ситуацию коллапса потребительской экономики, население «постсоветских» пространств призвано также раньше всех выработать и соответствующие способы выживания. Речь о том, что в настоящее время глобальная социально-экономическая система становится принципиально многоукладной, и созданная Западом модель «либеральной» цивилизации, основанная на потребительской экономике – это лишь локальное во времени и пространстве явление; пик его расширения пройден, и в дальнейшем оно будет лишь сужаться до состояния дискретных закрытых для внешнего мира зон, разбросанных на больших расстояниях друг от друга. Населению, не попавшему в эти зоны, придется выживать как-то иначе или просто исчезнуть. «Постсоветская» ситуация интересна тем, что она оказывается «модельной» для человечества в целом – своего рода «испытательным полигоном», наглядным экспериментом его будущего [2, с. 68].

Во-первых, с сокращением населения меняется его возрастная структура в сторону постарения, и поэтому, с одной стороны, будет сокращаться доля трудоспособного населения, а с другой – возможности государства для поддержания жизни пенсионеров. В такую страну никто не захочет делать инвестиции, а ее собственный бюджет будет становиться все более затратным и дефицитным, «проедая» все, что могло бы пойти на развитие. Сокращение продуктивной части населения имеет не только объективные причины, но и субъективный фактор непривлекательности производственных видов труда, являющийся следствием разрушения традиционных моральных ценностей. Характерно, что даже и те небольшие инвестиционные возможности, которые имеет наша экономика, сейчас направляются преимущественно в торговлю и сферу услуг, а не в производственные сектора экономики, то есть, в стратегической перспективе – просто «зарываются в землю» и бессмысленно проедаются. Этот субъективный фактор, который разрушает производственный потенциал общества, является непосредственным следствием доминирования среди молодых поколений «идеала» потребителя-эгоцентриста, который в равной мере ощущает отвращение и к напряженной продуктивной работе, и к ответственной семейной жизни, которая предусматривает тяжелый труд и жертвенность в воспитании нескольких детей на протяжении всей активной части жизни. Тем самым в основе и демографических, и экономических деструктивных процессов лежит в первую очередь одна и та же проблема – доминирование нового «постмодерного» человеческого типа с разрушенной семейной и трудовой этикой.

В этом отношении мы в качестве «испытательного полигона» также значительно опережаем Запад. Цивилизация, созданная Западом, изначально основана на глубоко иррациональном и противоестественном во всех отношениях стремлении к *избыточному* потреблению ресурсов и *избыточному* комфорту, что с неизбежностью приводит к психофизиологической и нравственной деградации человека. Эта цивилизация силой формирует человека как ненасытного эгоцентрического сибарита-потребителя, и пытаться противостоять этому принудительному воздействию чрезвычайно тяжело, ведь альтернативные цивилизационные модели жизни практически уничтожены и возродить их в индивидуальной жизни можно лишь чрезвычайным волевым усилием. По видимости, стремясь сделать земную человеческую жизнь максимально комфортной, современная цивилизация достигает этого ценой тотального абсурда, заключенного прежде всего в бессмысленности самого этого стремления как такового, уравнивающего человека с похотливым животным.

Современная цивилизация вырывает человека из непосредственной включенности в природные циклы, опосредуя и почти сводя на нет его контакт с «упругой плотью бытия», замыкает его, словно в тюрьме, в особой сфере эфемерной реальности внутри мира межчеловеческих условностей. Эта тенденция достигает своего полного выражения в «постиндустриальном» мире, где производятся и циркулируют колоссальные потоки *искусственной* информации, полностью замусоривающей человеческое сознание, теряющее способность к самостоятельному мышлению и целостному, осмысленному взгляду на мир и самого себя. Создается замкнутый и абсолютно абсурдный, бессмысленный мир *искусственного* человеческого бытия, в котором абсолютно доминируют искусственные виды деятельности и искусственные потребности, совершенно избыточные по отношению к процессам духовного и физического воспроизводства человека. Более того, они радикально *препятствуют* и тому, и другому самим фактом этого доминирования, отбирающим силы и время людей на *экзистенциально деструктивные* цели, порожденные патологической гордыней эфемерного самоутверждения Его-центрического индивида. В сущностной основе этой цивилизации лежит культивирование новой квазирелигиозной ценности – человеческого Его, т.е. *эголатрия* как новый вид секулярного идопоклонства.

Именно эголатрия является первопричиной разрушения семьи и вымирания социума современной цивилизации. В этом аспекте она проявляется в форме своеобразного *гендерного коллапса*. «Гендер» как совокупность принципиальных социально-функциональных и культурно-психологических различий мужчин и женщин, культивировавшихся в традиционных обществах и обеспечивавших их жизнеспособность, этой цивилизацией последовательно уничтожается (под бездумнолицемерным прикрытием идеологии «гендерного равенства»). Она формирует массу «социально бесполох», т.е. социально взаимозаменяемых индивидов, унифицированных единой для всех ненасытной страстью потребления всякого рода «благ» и наслаждений. Утрата «гендерных» различий в конечном итоге приводит к утрате духовно-душевного влечения полов друг к другу, остается лишь сожительство с корыстными целями. После разрушения традиционной семьи, основанной на христианском нравственном сознании и на разделении «гендерных» функций, еще несколько поколений «по инерции», постепенно деградируя и разрушаясь, институт семьи еще продолжал существовать. Это могло создавать иллюзию, что секулярная семья может существовать вечно. В настоящее время наступил «момент истины»: более-менее жизнеспособны те немногие семьи, которые хотя бы пытаются вернуться к традиционным ценностям; остальные, основанные на эголатрии, обречены на разрушение – и эта закономерность практически не знает исключений.

Но судьба института семьи (некоторые западные социологи уже прямо говорят, что сомневаются в его существовании) – это лишь одно, хотя и самое принципиальное, проявление более общего явления, которое можно условно назвать неоварварством как доминантой современной цивилизации. Впервые об этом писал еще Х.Ортега-и-Гассет: «по отношению к той сложной цивилизации, в которой он рожден, европеец, входящий сейчас в силу, – просто дикарь, варвар, поднимающийся из недр современного человечества» [Цит. по: 3, 204]. Позднее М.К. Мамардашвили ввел удачный термин «антропологическая катастрофа» для обозначения

наступающей неспособности современного человека воспроизводить те первичные смыслы, без которых невозможно жить. Главной причиной этой вторичной варваризации является окончательное формирование «потребительского общества», в котором оказывается избыточным все, что выходит за рамки индивидуалистического прагматизма – стремления ко все большему комфорту и удовлетворению витальных потребностей (все более искусственных). Это, в первую очередь, базовые духовные ценности и культурные навыки, унаследованные от традиционного общества. Но, как оказалось, без них и человек, и социум в целом в конце концов оказываются нежизнеспособны и вымирают просто физически. Соответственно, единственная реальная, а не паллиативная стратегия выживания столь же проста, сколь и шокирующа для большинства «современных» людей: это возвращение к базовым ценностям и социальным структурам традиционной цивилизации.

Вместе с тем, если присмотреться даже к самому «продвинутому» обществу стран «золотого миллиарда», то и здесь можно заметить явные, хотя и противоречащие его официальной идеологии попытки воссоздания структур традиционного общества. Это, в первую очередь, эффективные технологии управления массовым сознанием и поведением, что соответствует жесткой нормативности обычного традиционного общества. Фундаментальное отличие состоит лишь в системах ценностей и методах этого управления, но сама нормативность современного общества во многих аспектах даже большая, чем у обычных традиционных обществ. Даже идеологический концепт «свободы» ныне практически утратил свой первоначальный смысл и в первую очередь является средством манипуляции «общественным мнением» (впрочем, и последнего в его подлинном смысле давно уже нет). Наконец, использование человеческих ресурсов «третьего мира», которые не торопятся ассимилироваться, означает желание и за счет них укрепить социальную нормативность обществ, идеологические продолжающих именовать себя «либеральными».

В свое время П.Сорокин, указывая на неизбежную гибель современной цивилизации, определял цивилизационную парадигму предшествующего этому периода следующим образом: «а) нарастающий упадок чувственной культуры, общества и человека и б) появление и постепенный рост первых компонентов нового (идеационального или идеалистического) социокультурного строя» [4, с. 885]. На самом деле, картина оказывается более сложной и даже весьма парадоксальной. С одной стороны, «чувственная культура» в материальном (экономическом и военном) отношении стала еще более мощной, подчинив весь мир своим интересам. С другой стороны, она максимально мобилизует внутренние «идеациональные» ресурсы в виде усиления идеологической и поведенческой нормативности. Наконец, по всему миру традиционные культуры втягиваются в процесс секуляризации, а значит, обречены на разрушение в качестве некогда господствовавших. Если бы не близкая перспектива экокатастрофы, эти процессы могли бы протекать долго и плавно, но этого не будет. Будет, и уже происходит быстрое структурирование глобального перераспределения ролей в борьбе за ресурсы, при котором все регионы мира будут черпать внутренний социальный капитал в сознательном, вполне авторитарном возрождении локального традиционализма. Только таким путем можно «амортизировать» разрушение идеалов (для многих так и не достигнутых) потребительского общества и сохранить жизнеспособность социума. Если донныне это возрождение происходило стихийно, на уровне индивидов и групп, то ближайшие десяти-

летия ознаменуются феноменом своеобразного государственного традиционализма, переход к которому после доминирования либеральных идеологий для многих людей будет весьма болезненным «крушением идеалов» и будет восприниматься как второе пришествие «тоталитарных идеологий». Последнее мнение будет глубоко ошибочно, поскольку «тоталитарные идеологии» всегда были результатом секуляризации сознания (то есть, в конечном счете имели тот же источник, что и сам либерализм), а всякий традиционализм, хотя бы и культивируемый государством – наоборот, есть возрождение религиозности и духовных ценностей. В том числе и подлинного смысла понятия «свобода».

Как внутри коренных народов «золотого миллиарда» на основе духовно-нравственного возрождения, так и в старых традиционных обществах, обреченных в той или иной степени пройти все соблазны Модерна и Постмодерна, носителем жизнеспособной модели социальности будет тип человека, который можно условно назвать эко-личностью. Его основные признаки: 1) приоритет духовных ценностей; 2) здоровый образ жизни; 3) способность к относительной социальной автаркии в условиях конкурирующих стилей жизни и систем ценностей. Эко-личность – это человек, способный выжить в условиях краха потребительского общества.

Литература

1. Зубаков В.А. Куда идем? К экокатастрофе или экореволуции? // *Философия и общество. Научно-теоретический журнал.* – М., 2000. – № 2. – С. 44-73.
2. Покровский Никита. В зеркале глобализации // *Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста: Сб.* – М.: АСТ, 2004. – С. 54-75.
3. Ремизов Михаил. Модернизация против модернизации // *Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста: Сб.* – М.: АСТ, 2004. – С. 201-205.
4. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

СПЕЦИФИКА НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.А. Жарикова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь

О.Н. Жарикова

*Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь*

В современных условиях происходят значительные процессы в изменении структуры мировой системы научной коммуникации. Становление мировой информационной сети позволяет представить ее как информационное пространство, где формируются научные тематики. Некоторые ученые предлагают рассматривать мировую систему научной коммуникации как целостный информационный объект.

Важным шагом в развитии коммуникации в мировом сообществе стало широкое распространение электронной почты, позволившее многим ученым реализовать каналы неформальной коммуникации, которая ранее могла происходить только на конференциях, симпозиумах, семинарах. Это привело к образованию большого числа